

На основе сочетаний: острый, колючий, пронзительный взгляд, острый, колючие, пронзительные глаза — возникает ряд уподоблений тем же острым и колющим предметам, о которых уже шла речь: *стрелы* — стрелы ее еще прочных, но тьмой упоенных и каких-то детских глаз (Белый, Серебряный голубь), сладко в очи поглядела взором, как стрела (Блок), глазами взвила ввысь стрелу (Маяковский), брови — лук, а взгляд под бровью — стрелы (Кузмин); *лезвия* — блеснул лезвием из-под опущенных век, лезвия глаз (Е. Замятин, Ловец человека), лезвие взора (Белый), лезвие взгляда (Шолохов), *иглы* — иглы, кольнув, разбежались (Серафимович), не глаза уже, а нестерпимые две иглы колючие (Лавренев, Марина); *меч* — взор твой — мечами пронзающий взор; пронзи меня мечами (Блок), ср. как меч — его пронзает взор (Лермонтов); *кинжал* — твой разящий, твой взор, твой кинжал (Блок); *секира*: глаза человека — секира (Хлебников); *гвозди* — очи, — томные токи лазури — точно острые синие гвозди (Белый, Кубок метелей), два глаза, как зеленые гвозди, воткнулись в Хандрикова (Белый, Возврат), ср. напрасно глазом — как гвоздем, пронизываю чернозем (М. Цветаева); *шило* — глазами, как шилом, хватил (Белый, Маски).

Сочетание *острое, разящее слово* дает аналогичный ряд тропов, которые встречаются в поэзии: *меч* — слова мои — мечи (Сологуб), грозный меч — живая речь (В. Князев), ср. Эту детскую грудь рассеку я потом Вдохновенного слова звенящим мечом (Фет); *стрела* — это стрелы наших огненных строф (М. Герасимов); *гвозди* — видите — гвоздями слов прибит к бумаге я (Маяковский); *кинжал* — кинжальные слова (Бальмонт); *лезвие* — Но стихи! Мороз идет по коже — Лезвие, Сверканье, Удар (Б. Корнилов); *сабля* — слово — сабля из ножен (В. Каменский); Саблей наголо... — Слово: дом (Цветаева).

Эти же исходные сочетания лежат в основе таких образов, как *дротик мстительный бессмертных книг* (Брюсов), *мозги шлифуем рапилой языка* (Маяковский), хотя связь между исходным и новым не так обнажена. На основе уподобления поэта и кинжала, продолжающего лермонтовское, возникает метафора *кинжал поэзии* (Брюсов).

Опора на языковой прототип характеризует и сочетания с отвлеченными существительными, обозначающими чувства и внутренние состояния и качества. Одновременно такие метафоры как: острие заклятий (Брюсов), острые мысли (Городецкий), мечи скорби (Сологуб), меч отчаяния (Сологуб), лезвия смерти (Брюсов), лезвие тоски (Мандельштам), клинок стыда (Брюсов), клинок конца (Брюсов), мысли живой стрела (Мандельштам), твой лук — твой ум, а мысли — стрелы (В. Князев), мечты золотая игла (И. Анненский), игла воспоминания (В. Рождественский), нож измены (Обрадович), тесно связаны с поэтической традицией, представляя собой развитие образов, встречающихся у Пушкина: кинжал измены холодной, злобой клеветы невидимый кинжал, и поэтов-романтиков: презренья женского кинжал, кинжал раскаянья (Лермонтов), нож изуверства (Вяземский), топор общественного мнения (Ап. Григорьев), ср. нож ревности (Л. Толстой). В этом ряду находят свое место и такие сопоставления как клинок насмешки, ум — меч; голубой человек уже отвернулся, пряча клинок внезапной насмешки в морской синеве глаз (Леонов, Петушихинский пролом); ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся во тьму (Булгаков); ср. клинок чувства (Шолохов).

Не все сочетания с рассматриваемыми метафорическими эпитетами дают столь последовательно развивающиеся ряды тропов. Тропы, опирающиеся на некоторые языковые сочетания, не образуют рядов, оставаясь единичными: резкий пронзительный ветер — ветра черные мечи (Белый), резкий голос — голоса нож (Маяковский), А высокий звонкий тенорок взлетел над огнем и золотом высоко закинутой, узкой, лазурной стрелой (Белый, Кубок метелей). Однако поскольку уже существует ус-